

могъ вывести ни единой буквы своего трактата, не имѣя въ сознаниі освѣщающаго самую работу облика Благовѣстника. Толстой первые десятки лѣтъ творческой работы безсознательно, а въ послѣдніе сознательно жилъ съ обликомъ Христа въ душѣ.

Исповѣдуя невѣдомую, творческую силу, все создавшую актомъ любви и мудрости и частично воплощающуюся въ человѣкѣ, художникъ не могъ не освѣщать свой жизненный путь смутнымъ постиженіемъ этой отвлеченной, сверхъ-разумной и сверхъ-чувственной силы. Ее онъ могъ только мыслить, она умѣщалась въ глубинѣ его умственныхъ представленій, неясно скользила въ зыби метафизическихъ умозрѣній. Но тамъ, гдѣ преваляло чувство, а не мысль, гдѣ постиженіе совершалось радостью и вспышкой чувства, тамъ необходимъ какой-либо живой, чувственно постигаемый образъ, воплощающій собой высшее осуществленіе истины. И учитель, который жилъ два столѣтія тому назадъ и, не записывая ничего, жизнью своей явилъ самый чудесный свѣтъ лучезарно горящаго духа, свѣтилъ писателю на всѣхъ путяхъ его работы. Евангельская неслыханно смѣлая идея, до сихъ поръ признаваемая неосуществимой для человѣка утопией, о побѣдѣ внутренняго «Я» человѣка надъ всѣмъ матеріальнымъ міромъ съ его желѣзными необхо-